

Екатерина Пешакова
ЗАПИСКИ
С БЕРЕГОВ ГАНГИ

Екатерина Пешакова

Записки с берегов Ганги

«Издательские решения»

Пешакова Е.

Записки с берегов Ганги / Е. Пешакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518844-1

Русская девушка Катя летит на свадьбу в Индию к своему другу Манишу, но не попадает на торжество. Семья жениха принимает главную героиню в свой дом как родную. Позже она становится свадебным фотографом, открывает свой бизнес и поступает в один из самых старых вузов Индии. «Записки с берегов Ганги» — прекрасный сборник заметок о собственном опыте путешествий, о том, к чему в итоге привело неутолимое желание «быть причастной» к Индии. Поэтому заварите чашечку ароматного масала чая и наслаждайтесь!

ISBN 978-5-00-518844-1

© Пешакова Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Делийский дом	6
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Записки с берегов Ганги

Екатерина Пешакова

Редактор Таисия Петухова

© Екатерина Пешакова, 2020

ISBN 978-5-0051-8844-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Делийский дом

Я заказала себе третью чашку масала чая и снова открыла электронную почту. Новых писем не было. Перевела взгляд в окно: там начинался новый, жаркий, шумный азиатский день. Через узкую улочку, напротив кафе, где я сидела, тянулись ряды сувенирных лавок, по-хозяйски расположившихся в средневековом на вид здании. Словно заботливая мамаша приютило оно лавчонки в своих резных нишах и дверных проемах. Синие-синие стены контрастировали с горами миниатюрных беломраморных тадж-махалов и ажурных белых шапочек на макушках мусульман. Я наблюдала как неспешно расставляются на прилавках индийские сокровища. Вот продавец стряхнул пыль с залежавшегося товара, помахал в небо палочкой благовоний, испросив таким образом благословения Богов на то, чтобы надуть пару-тройку туристов, и начал свой обычный серый – хотя, пожалуй, не такой уж и серый – день. Вот прошла группа корейцев – можно обменяться с ними парочкой выученных фраз. За ними – стайка русских девушек: им можно напеть о великой любви и в память о ней продать фигурку Тадж Махала. В обеденный час хорошо прилечь тут же за прилавком, а после – испить 5 o'clock tea и перекинуться парой-тройкой сплетен с соседом.

Чего-чего, а сплетен тут всегда хватает впрок. Взять хотя бы этого Томми из отеля. Человечек-улыбка, за двадцать лет он не сменил ни свой пост менеджера ресторана, ни дизайн заведения. Он неизменно подносит толстенную книгу только хороших отзывов посетителям, а между делом предлагает распить на крыше чего-нибудь покрепче, чем чай.

На крышу я ходила, но все же одна, выбирая для свидания с Тадж Махалом уединенные рассветные часы. Казалось, стоило только протянуть руку – и можно будет провести пальцами по хитросплетенным цветам из бирюзы и оникса, прислушаться – и услышать шепот влюбленных, застывший в розово-жемчужной дымке между грезами и явью. Я смаковала предвкушение нашей встречи, и не шла на экскурсию, предаваясь особой магии этих уединенных свиданий. Правда, нас с ним порой разделяли обезьяны. Они приходили в надежде полакомиться фруктами, но получали только палки от сторожа, который все время виновато извинялся, что нарушил мой покой.

Вообще-то, я ждала письма, и в этом ожидании прошел не один длинный, тягостный день. Меня привел сюда не Тадж, хотя я и ждала встречи с ним целых девять лет. Меня привело сюда неутолимое желание «быть причастной» к Индии. Думаю, не мне одной знакомо это чувство неутолимой жажды прикоснуться хоть к чему-то, что сможет унести тебя в край заветной мечты. Будь то фильм, отрывок песни... А уж книга об Индии, или настоящий индеец – это целые ворота, открывающие бесконечные горизонты.

И вот я здесь: по вечерам я гуляю среди наряженных в оранжевые свитера коз, по запыленным, уводящим вглубь неизвестности улицам, залитым светом тусклых желтых фонарей. Проходя через массивные каменные ворота, я думала, что, возможно, вот здесь хаживал сам Шах Джахан: кто знает, вдруг он переодевался простым жителем и ходил на базар, узнать как живет народ? Ох, как бы мне хотелось оказаться в тех временах! Хотя, в Агре мало что изменилось с тех пор. Женщины все так же носят сари, а мусульманки закрывают свои разноцветные одежды черными абайями, сохраняя самое интересное для мужей. Все так же по вечерам несется над городом призыв к молитве, а по утрам, над пеленой тумана, красуется верхушка молочного Таджа. Или Шах Джахан еще только обещал своей возлюбленной Мумтаз построить прекрасный памятник их любви, а пока наслаждается с ней пряными вечерами в садах Агры?

Я была почти как Шах Джахан: лишенный возлюбленной и трона, заключенный в Красный Форт он каждый день любовался Таджем издали. В неволе своих планов на Индию, зато-

ченная в своих желаниях, и я любовалась беломраморным шедевром на расстоянии и думала о своем прошлом и будущем.

Но время Шаха закончилось. Как и обещал, он выстроил Памятник Любви, который стал известен на весь мир, но был свергнут своим сыном. И был тогда – у конца. С пустыми руками, покинутый даже надеждой. Я же сегодня – тоже с пустыми руками, но с большими надеждами – стояла в начале своего Пути. Я не могла ехать путешествовать по Индии: не хотела. С самого начала мне было больно ощущать себя здесь туристкой! Каждому мне хотелось прокричать в ухо:

«Я такая же, как вы, я своя!». В ответ слышалось только: «Давай, хорошо, подходи, покупай!» Я чувствовала себя солдатом, вернувшимся домой через много лет: вот родные улицы, дома – но где же мой дом? Он же должен быть где-то здесь... Куда мне идти? Все родное, но я для них чужой, пришелец.

Теплой волной поднялись со дна души воспоминания и унесли меня в темное небо горячей индийской ночи...

Все началось в этом доме. Семья разваливалась и сходилась вновь. Они уезжали из дома и возвращались. По несколько лет хранили молчание, чтобы наконец простить. Рождались дети, а старики умирали. Я – приживалка, отросток в котором особо надобности нет, но отрезать жалко. Я – наблюдатель, вот уже десять лет веду не написанную историю одного делийского семейства, ничем, пожалуй, не отличающегося от других делийских семей, принадлежащих к касте бания или торговцев. Вернее, ничем не отличавшегося: пока не появилась я. Все началось в этом доме, порог которого я должна была переступить как невестка. Но вышло все совсем неожиданно...

Стояло раннее мартовское утро. Мой самолет только что приземлился в делийском аэропорту, и с замиранием сердца я ждала багажа. Это была моя первая поездка в Индию, да и вообще за границу. Но я волновалась не только из-за этого: там за стеклом аэропорта меня ждет друг, с которым мы общались онлайн около двух лет. Вроде бы и близкий, и в то же время совсем незнакомый. Наконец, мой чемодан подъехал, и я направилась к выходу, толкнула тяжелую стеклянную дверь, и тут же мое лицо обдало горячим пряным воздухом. Встречающие с табличками и цветами толпились у входа. Таксисты наперебой предлагали свои услуги... А я искала глазами его – и боялась не узнать. Через несколько мгновений я увидела, как от толпы отделяется фигура и направляется в мою сторону.

Маниш чуть выше меня, скромный, почти равнодушный, словно мы только что попрощались. Белая рубашка заправлена в джинсы, уже видны очертания будущего животика – отличительная черта среднего класса. Смущенные улыбки. Привет. Привет. Перебрасываемся какими-то общими фразами. Лицо у него доброе, нежное. Хотелось бы обняться, но это не подобает. Волнительная радость. И вот наши глаза на секунду встретились – и на миг повис молчаливый вопрос – «почему?», но тут же был заглушен суетой, погрузкой чемодана в машину, затоплен болтовней.

Еще в аэропорту я переделалась в единственный мой индийский наряд – персикового цвета шифоновый шальвар-камиз с шоколадной каймой и вышитыми цветами, купленный в секунд хенде. Одета я была не по моде, зато в индийском. Мы сели в машину и я покрыла голову тонким шарфиком. Так здесь делают особо традиционные, ну а мне нужно было за что-то спрятать свой взволнованный взгляд. Под защитой оранжевого покрывала я уставилась в окно.

По широким проспектам Нового Дели в плотном потоке лавируют женщины за рулем маленьких вертких машинок и черные быстрые мотоциклы – мечта каждого индийского парня, с подножек автобусов свисают лихачи. Все они, даже желто-зеленые рикши, игнорируя крас-

ный сигнал светофора – мчатся. Мчатся молодые и не очень мужчины на переговоры с клиентами, мчатся в колледж девушки в джинсах, на встречу с подружками мчатся солидные дамы. Дели кипит жизнью. Мальчишки на мотоциклах подмигивают: им невдомек, что для европейца этот неприличный индийский знак – просто дружественное приветствие. На светофорах бедные дети с большими черными глазами продают газеты с Шах Рукх Кханом – у него точно такие же глаза.

«Я дома» – эта мысль холодными волнами окатывает меня. Мы едем молча, и мое смущение заглушают играющие по радио индийские хиты.

Вот мы свернули с широкого проспекта в спальный район, и уже через несколько минут подъехали к дому. Как в тумане я вышла из машины и почти упала к ногам родителей Маниша, вышедшим нас встречать. По традиции, из уважения к старшим, нужно прикоснуться к их стопам, но они не ждали такого от иностранки. Со смехом стали меня поднимать и обнимать, повели в дом и усадили на диван в передней. На низеньком столике появились орешки, печенье, соленые закуски и чай: так встречают гостей. На какой-то момент я осталась одна и у меня появилось время осмотреться. Комната находилась на первом этаже узкого четырехэтажного дома, вытянувшегося ввысь к делийскому небу. Стены выкрашены в розовый, в углу около дивана стоит телевизор, по важности в спорящий индийском доме с алтарем. В этом доме победа явно оказалась за телевизором.

Алтарь хоть и присутствовал, но выглядел заброшенным: в углу комнаты был подвешен небольшой металлический «киоск» – своего рода домик для божеств. Алтари могут быть и маленького размера – настенные – и большие, красивые, вырезанные из дерева. Для такого алтаря может быть отведена отдельная комната в доме.

Внутри этого домашнего алтарика располагался весь индийский пантеон – от изображения богини Дурги до Кришны и Шивы, были тут и глиняные божества Лакшми-Ганеш, которые присутствуют в каждом доме и по поверью приносят счастье и благополучие. Это частое явление: ведь в конце концов все формы – лишь различное проявление одной энергии. Но на этом алтаре на божествах лежала священная пыль.

На стене календарь с изображением Кришны, низкий столик, диван на котором я сижу, одно кресло. Места не очень много. Комната разделена занавеской, за которой – кухня, где мама Маниша готовит чай.

Маниш куда-то исчез и долго не появлялся. Мне стало некомфортно сидеть одной, но тут в комнату вошел его отец и сел напротив меня. Он подтянул обернутые в дхоти ноги на диван и скрестил их в полулотосе. «Чай» – только и сказал он, улыбаясь сквозь усы и указывая рукой на столик. Оказывается, на хинди чай так и называется – чай! Я взяла малюсенькую чашечку и улыбнулась. Вообще-то мне больше всего хотелось в душ и побыть немного в одиночестве, но я продолжала сидеть, покорно принимая душ индийского гостеприимства.

Папа (еще во время нашей дружбы онлайн, Маниш приучил меня называть своих родителей просто мама и папа – так и повелось) взял свою чашечку – в его широких ладонях она смотрелось игрушечной, – приложил к усам и посмотрел на меня смеющимися черными глазами. «Чай» – повторил он. Я улыбнулась. Он не говорил на английском, а я – на хинди. Но даже просто молча сидеть рядом с ним было спокойно и приятно.

Из-за занавески появилась мама Маниша и внесла поднос со сладостями. Это были знаменитые индийские ладду по маминому особому рецепту. Поставив их на стол, она коротко улыбнулась мне, и снова отправилась хозяйничать на кухню. Я поняла, что ей так было привычнее, нежели сидеть наравне с мужем, развлекая гостей разговорами. Мне было интересно: а что же там дальше, за шторкой? Я пока еще стеснялась свободно вертеть головой и все рассматривать, поэтому осмелилась только украдкой взглянуть в сторону кухни.

Из кухни вела еще одна дверь. Дверь была открыта, и за ней можно было разглядеть уголок кровати. Ага, значит – чья-то спальня! Как только я сделала свое открытие из ком-

наты показалась девушка, одетая очень традиционно. Так же, как и я, она была одета в шальвар-камиз – широкие штаны и приталенное платье до колен. На плечах – обязательно шифоновый шарфик. Выходя из-за занавески, она привычным движением накинула его на голову перед тестем. Она подошла к папе и прикоснулась к его ногам – сделала пранам – а потом с улыбкой присела рядом со мной на диван.

На вид ей было лет двадцать, почти на пять лет меня младше. На лице толстый слой тонального крема, чтобы оно казалось белее, но выходило так, что она только выглядела старше своих лет.

С девушкой была девочка лет двух. Я сразу поняла что это – Рани, жена старшего брата. О ней и о ребенке мне рассказывал Маниш. Рани немного говорила по-английски, и пока папа занялся ребенком, стала меня развлекать вопросами: как долетела, понравился ли Дели, устала ли я. Большей частью это, конечно, был язык улыбок и жестов, поэтому диалог очень скоро стал для меня утомительным. Я не могла сосредоточиться, так как хотелось рассмотреть ее лицо и сопоставить с историями которые я слышала о ней от Маниша. На фоне моих мыслей папа развлекал ребенка, смех теперь колокольчиком разливался по всей комнате. Он стал для меня убежищем – внимание переключилось на малышку.

В этой спасительной паузе дверь открылась и в комнату вошел Маниш. Он вел за собой молодую, полненькую девушку. Пробор украшен синдуром, на руках – еще свежий узор хны, нарядный шальвар-камиз и красные свадебные браслеты. Вчера Маниш женился.

Несколько месяцев назад я сказала Манишу, что не готова к серьезным отношениям. Мы долго не разговаривали, пока однажды вечером ко мне в электронный ящик не прилетело его письмо с фотографией будущей жены.

– Она тебе нравится? – С экрана компьютера на меня смотрела миловидная девушка в розовом сари.

– Ну, главное, чтобы тебе нравилась, – напечатала я в ответ. – Ты что, правда намерен вот так жениться, без любви?

– Да, родители хотят чтобы я женился, отец знает эту семью и я уже видел девушку.

– Понятно, значит ты встречался с ней, тебе она понравилась. Ты с ней поговорил? Сходили куда-то вместе?

– Нет, мы семьей просто пришли к ним в дом, и она посидела немного с нами. Я с ней не говорил. Ну, папе нравится семья, а я сделаю так как он хочет. Понимаешь, у меня уже были отношения, но моя подруга вышла за другого... Да и ты вот теперь отказала, а я ведь рассказал о тебе родителям... Я не хочу расстраивать отца. Он настаивает на свадьбе – пусть так и будет. Ведь папа мне не пожелает плохого.

– Ну ты бы хоть в кафе с ней сходил, может вам и поговорить будет не о чем?

– Я уже все решил. Ты приедешь к нам на свадьбу? Приезжай, мы все будем тебя ждать...

Так я засобиравшись в Индию, параллельно со сбором чемоданов и покупкой подарков читая о свадьбах. Оказалось, что в Индии до сих пор приняты браки по сговору: женятся или выходят замуж за того, кого родители найдут. Сами родители, решив, что пора женить, начинают расспросы по друзьям: нет ли подходящей кандидатуры. Ведь принято жениться в своей касте. Именно так поступили родители Маниша: невестой оказалась дочь знакомого. Это самый лучший вариант. Можно навести справки о знакомой семье и вывести все секреты.

– Маниш, а что если подходящей кандидатуры не найдется среди друзей? Как тогда поступают? – наши диалоги снова стали почти такими же частыми, как раньше, и я могла узнать все подробности из первоисточника.

– В газетах есть специальный раздел, а еще есть сайты и независимые агенты – свахи. Они подбирают двух кандидатов по желаемым параметрам и предлагают сторонам встретиться.

– А какие могут быть параметры, кроме того чтобы человек полюбился?

– Это слишком по-европейски! – рассмеялся Маниш – Для свадьбы любовь не обязательна, зато нужно учесть множество других факторов!

– Ну, какие например?

– Во-первых, нужно чтобы каста была одинаковой, или у парня на одну выше девушки. Чтобы светлая кожа была... Парень должен хорошо зарабатывать или иметь перспективы. Многие выбирают даже хотят они жениха с государственной работой, или с частной. Дело в том, что при государственной ты можешь иметь много льгот и статус, но и переезжать, возможно, тоже много придется – ты не волен жить там где хочется.

– Понятно, то есть «в омут с головой» это не про индийских девушек?

– Конечно нет, они очень практичные. По крайней мере те из них, кто выбирает брак по сговору. Но и к девушке тоже длинный список – многие свекры требуют, чтобы после свадьбы она оставила работу.

– А что, они сопротивляются? У нас наоборот, были бы рады, мне кажется!

– Нет, у нас – право на работу женщина отстаивает. Но в Индии работающая, образованная женщина, конечно, имеет больше свободы выбора, что-ли. Наверное, ею не так легко управлять, она может сама за себя постоять – и финансово и морально.

– Значит, она может развестись, если захочет?

– Ну теоретически может, но общество особо не жалуется таких. Ей будет сложно повторно выйти замуж особенно если она с детьми, или вдова. Ты же знаешь, что женщина в ответе за долгую жизнь мужа? Будут считать, что не уследила или плохой рок несет. Вдов остерегаются.

– Как все сложно!

– Да, знаешь мы и сами порицаем все эти предрассудки, но живем так как от нас требуется...

На свадьбу я так и не успела, – мой рейс задержали и я приехала на второй день. Семья меня приняла с такой любовью и открытостью, которой я не ожидала от незнакомых людей. Хотя, конечно, совсем незнакомцами мы не были: на протяжении двух лет Маниш рассказывал обо мне как о своей невесте, да и я знала истории всех обитателей дома.

Меня разместили со всеми удобствами. Комната находилась на втором этаже, напротив спальни молодых. Как и все дома этого района, что тянулись вверх, а не расширялись, этот дом был узким, с выходом на крышу. Расширятся-то было и некуда – к его стенам с обеих сторон прилипали такие же собраты. Все этажи принадлежали семье: третий сдавали, на втором была отдельная квартира где жили молодожены, а теперь и я. На первом этаже жила семья старшего брата Маниша и родители.

В моей комнате не было окна! Это было так неожиданно и непривычно. Как потом оказалось, даже в тех комнатах где окна в принципе были ими просто не пользовались: они задвигались мебелью, закладывались кирпичом, в них устанавливали кондиционер. Словно эти окна были ненавистными соглядатаями, от которых стремились избавиться.

По ночам я почти не спала от непривычной жары, от шума вентилятора – который нельзя выключить потому, что нет окна – и от необходимости спать в одежде. Вот еще новшество, с которым мне пришлось столкнуться в первый же день (все остальное ждало меня впереди) – необходимость спать в одежде. Так спали все: в одежде, в которой ходили днем по дому. Спали просто на покрывале, порой даже не укрывшись. А мне не хватало одеяла. И очень хотелось раздеться. Но в комнату могли в любой момент зайти, или – позвать вниз. В уборную тоже

приходилось выходить через коридор. В конце концов я решила, что уж лучше не раздеваться вовсе, чем наспех натягивать камиз на потное тело.

Когда утром я пошла в душ, то и там тоже пришлось учиться новым вещам. Душевой в этом доме не пользовались (и вообще редко я видела, чтобы индийцы предпочитали мыться под душем, даже если тот работал). Здесь набирали в ведро воды и поливали себя из ковшика, сидя на низеньком табурете. Жена Маниша уже помылась и спустилась вниз. Это я определила по положенной на кран постиранной одежде. Утром ту одежду, в которой спали, стирают и надевают свежую. Поэтому, если на вас вчерашняя одежда, значит вы еще не помылись. Я пожалела, что нет моего любимого горячего душа, но кое-как справилась с помывкой и спустилась к завтраку.

Внизу уже вовсю кипела жизнь. Папа читал утреннюю газету, на столике перед ним стояла маленькая чашечка рыжего масала чая. Для русского человека это просто смешная порция! Я понадеялась, что предложат добавки, присела на диван и взяла в руки чашечку, пытаюсь осознать себя в новом пространстве и роли.

По дому разносился ароматный запах утра. За занавеской мама готовила лепешки с картофельной начинкой. Когда они стали появляться на столе, папа оторвался от газеты, с неизменной улыбкой в белые усы ткнул пальцем в лепешки и торжественно произнес: «паратха!». Я поняла, что это и есть название для картофельных лепешек и с радостью закивала головой: я их уже распробовала, и была не против добавки. Не переставая улыбаться, он снова выпалил: «хинди руси бхай бхай!» – русские и индийцы братья. Плакат советских времен о дружбе наших стран как-то давно попался мне на глаза, и я снова закивала головой, так как была абсолютно согласна.

– Как сказать по-русски «Я хочу чаю?» – Не унимался папа.

– «Я хочу чаю» – говорю.

– «Я хочу чаю! Я хочу чаю!» – повторил он и засмеялся. И впредь, когда бы меня ни увидел, первое, что он говорил: «Я хочу чаю!»

Обе невестки уже поднялись и с покрытыми головами сидели за занавеской на кухне, молча попивая свой утренний чай. Женщины не привыкли сидеть за одним столом с мужчинами, но так как меня не приглашали присоединиться к ним, я решила что как гостье мне положено оставаться на диване.

В доме жили по негласному индийскому порядку: просыпались рано, между 6 и 7 часами. Папа шел на прогулку в парк, мама – сразу на кухню. Невесткам разрешалось еще немного поспать. Оба сына – Маниш и его старший брат Арун – вооружившись газеткой, по очереди шли заседать в туалет. Потом обязательно принимался душ. И только после всех процедур можно было сесть за чашечку чая. Завтрака как такового в этом доме не водилось. Сухарик или печенюшка, которую непременно окунали в чай – вот и весь завтрак. Полноценная еда была только к ланчу, около 12 часов.

Арун только что вернулся из Дубая, где проработал несколько лет. Я знала эту историю: как Рани была недовольна тем, что он уехал, как она уходила жить к родителям, как он не смог приехать на роды дочери, как она смолчала, но все же затаила горькую обиду. Я знала, но решила ничего не расспрашивать. Наблюдала только какую-то отстраненность между мужем и женой. Наверно, именно по этой причине Рани особо не помогала по дому.

Не смотря на двух молодых невесток в доме, мама продолжала готовить на всех. Хотя по статусу ей пришло время отдыхать и наслаждаться чаем от старшей и массажем ног от младшей невестки. Жене Маниша, младшей невестке, целый месяц после свадьбы, пока хна не сойдет с рук, не позволялось выполнять домашнюю работу.

Мама была женщиной низенького роста, немного пухленькая. Я сразу ее полюбила. Ни разу я не слышала, чтобы она кричала или настаивала на чем то. Хотя и забитой она не была. Много улыбалась и шутила. Часто сажала меня рядом с собой и пыталась общаться. Учила меня готовить, наряжала и причесывала. Все это казалось мне немного странным, но я молча подчинялась. Именно с ней я выучила свои первые слова на хинди, научилась готовить и надевать сари. Несмотря на достаточно молодой возраст – ей было немного за 50 – она мало двигалась, и поэтому жаловалась на боль в ногах, и вообще, мне почему-то казалось, что здоровье её – уже совсем не то, что было когда-то.

В доме было много вещей, и все они были не на своих местах. От нечего делать, а еще – из желания что-то сделать для людей, у которых я жила и ела абсолютно бесплатно, я стала наводить порядок, насколько мне позволяло мое положение. Старалась сложить постиранные вещи. Бралась мыть посуду. Меня ругали: ведь два раза в день приходила уборщица, а мне, как гостю, не положено. Тогда я добралась до печки и раковины, которые уборщица не считала нужным чистить. Я явно выбивалась из роли гостьи, и наверное, внутренне я этого и хотела: перестать быть гостем и стать своей. Пусть и не в роли невестки.

Через несколько дней мы пошли на вечеринку по поводу состоявшейся свадьбы в дом родителей невесты. Мама и Рани, конечно, решили взять меня с собой, и с упоением стали наряжать и красить: то, что я ходила без макияжа они считали верхом пуританства, и конечно же так нельзя было появляться на людях. Меня закрутили в тонкое, нежно-персиковое с золотым, мое первое сари, начесали волосы, назакалывали заколочек. Кое-как от помады мне все же удалось отбиться, и мы наконец отправились на вечеринку.

Наверное, мне все же не стоило туда ходить. Все внимание было уделено не новой невестке а мне, гостям сложно было выбрать – с кем первым сфотографироваться. Мне задавали множество вопросов: откуда я, нравится ли мне Индия. Я плохо понимала язык, да и со смущением было сложно справиться. Рани взяла меня под опеку. Она весь вечер просидела рядом, держа меня за руку, отвечая за меня, а мне оставалось только мило улыбаться на камеру. Этот вечер стал первым камнем в стене между мной и женой Маниша, и мы так никогда и не стали друзьями.

Стоял жаркий дельийский май – начало сезона манго. С самого утра продавец катит по улицам тележку, выкрикивая «Манго, сочные сладкие манго!» Откроешь дверь – и тут же у твоего порога пакетик желтого счастья. А кому-то даже самой спускаться не надо: соседка сверху, например, на веревочке спускала вниз ведерко. Ближе к вечеру, когда спадала жара, я выходила прогуляться на базарчик, который располагался тут же, у дома, и обязательной частью программы был стаканчик мангового шейка.

Вечерний рынок – это очень красочное событие. На каждой тележке овощей располагается свой маленький фонарик. Покупатели выходят в домашней одежде – в ней они и спать лягут. Покупают овощей только на вечер, никогда не берут впрок. По средам в нашем районе был большой рынок: привозили и раскладывали вдоль улиц одежду, посуду, красочные браслеты.

Все эти дни я была либо с мамой, либо в компании Рани. Маниш каждое утро уходил в офис, со мной почти не общался. Я тоже не лезла: у него теперь была жена, и, видимо, ей не особо нравилось мое присутствие.

Осваивая район вокруг дома, я потихоньку продвигалась все дальше и дальше. Так, в один из своих «исследовательских» дней я увидела высокое белое здание с золотыми куполами – чем-то оно походило на православный храм. Внутри приглашала красная дорожка, и не долго думая, я вошла. Помещение было прохладным. Тишину нарушал только звук вентиляторов под потолком. По атмосфере я поняла, что это, должно быть, храм принадлежа-

ций незнакомой мне религии. Тут я заметила, что в зале я была не одна: у дальней стены была сооружена своего рода беседка, украшенная цветами и дорогой тканью. Посреди беседки на постаменте возлежала огромная книга, которую молча обмахивал веером седобородый старик в белых одеждах. Постояв пару минут я решила найти кого-нибудь с кем можно поговорить. Я вышла во двор и увидела разгуливающего там чудного человека. На голове у него был намотан огромный синий тюрбан, белое подобие платья до колен было подпоясано, а к поясу прикреплена внушающая уважение к ее обладателю, сабля.

– Для чего это вам? – спросила я незнакомца, не сильно скрывая своего удивления.

Всем сикхам положено носить кинжал или саблю – ответил он, расправив усы.

– А кто такие сикхи?

– Наша религия – сикхизм – самая молодая в мире! Она была создана в 15 веке, и началось все как община воинов. С тех пор всем сикхам предписано носить оружие, даже женщинам. Волосы тоже нельзя стричь – добавил он, заметив, что я рассматриваю его голову, причудливо обмотанную несколькими метрами ткани – мы их прячем под тюрбан.

– Я не заметила никакого божества в храме.

– Верно, мы не поклоняемся изображениям. Мы почитаем нашу Книгу – Грант Сахиб как Гуру, ее то ты заметила в гурудваре?

– Где-где?

– В храме. Наши храмы называются гурудвара. Мы верим, что господь пребывает в сердце каждого человека, и самое лучшее служение ему – добрые дела.

– Это замечательно! – мне действительно понравилось такое учение и простая атмосфера в храме.

Во двор, смеясь и переговариваясь, вошли нарядные люди – судя по всему это была семья. Они поздоровались с моим собеседником и обратили внимание на меня. Посыпались вопросы к которым я уже привыкла: откуда ты, что ты здесь делаешь, где живешь, нравится ли Индия. Оказалось, что мы – соседи! Этому факту мои новые знакомые очень обрадовались и тут же рассказали, что прошли получить благословение в храм по случаю свадьбы сына, а вечером у них намечалось мероприятие, куда они меня и пригласили.

Мои новые знакомые жили на той же улице что и мы. В доме шли активные приготовления к свадьбе. Вечером мы с мамой и Рани отправились в гости. На втором этаже дома располагался большой холл, где на расстеленных коврах сидели кружком женщины. В центре одна из тетушек играла на традиционном барабанчике дхолак. Женщины пели народные песни и порядком веселились. Вот в центр вышли две девушки, одна из которых накрутила тюрбан и играла роль мужчины. Разыгрывалась сценка из воображаемой жизни будущей пары. Жесты и всеобщий хохот говорили о том, что происходит не совсем пристойный диалог между «актерами». В какой-то момент в руках женщины появилась палка с мужскими трусами на ней, и она стала размахивать ими словно флагом. Все разразились хохотом.

– Что это была за вечеринка? – спросила я Рани, когда мы закрыли за собой тяжелые чугунные двери и вышли на тускло освещенную улицу. До нашего дома было рукой подать, и мы не спеша прогуливались, болтая о прошедшем вечере.

– Это «ледис сангит», такие вечера проводятся почти всю неделю перед свадьбой и в доме жениха, и в доме невесты. На очень дорогих свадьбах теперь модно такой вечер с размахом отмечать – бывает и настоящая сцена, и софиты, и даже профессиональных танцоров приглашают.

– Но я не увидела мужчин сегодня, это что-то вроде девичника?

Ну, наверное, в какой-то степени. Но в вечер перед свадьбой все по-другому. Собираются обе семьи чтобы познакомиться ближе в неформальной обстановке. Девушки со стороны

невесты готовят танец, который покажут на сцене гостям, а гвоздем вечера становится танец пары. В этот же день могут сделать обмен кольцами, если раньше его не проводили.

– Что-то я не заметила, чтобы индийцы носили обручальные кольца.

– Да, это дань моде. Мужчина вообще может ничего носить чтобы указывало на его семейный статус – усмехнулась Рани. – А вот у женщины целый набор «отличительных признаков»: ты же заметила, что я крашу пробор красной краской?

– Да, да, это, кажется, называется синдур – красный пробор замужних женщин?

– Верно. Еще мы носим мангалсутру – свадебное ожерелье, которое нельзя снимать. Бичия – кольца на пальцах ног. Браслеты на ногах, и красные браслеты на руках.

– Я где-то читала, что колечки на ногах носятся для того, чтобы стимулировать работу яичников – якобы к ним проходит какой-то нерв, и это описано в древних трактатах.

– Ой, ну не знаю. Может это и было причиной когда-то, но сейчас мы просто носим потому что так принято.

Мы подошли к дому, и наш разговор прервался.

На следующий день в семействе сикхов играли свадьбу. Оркестр собрался у дома жениха. Молодой человек уже красовался верхом на белой лошади. Я поднялась на второй этаж и из окна в холле стала наблюдать за процессом. Это была первая индийская свадьба, которую я видела. Где-то в уголке сознания зашевелилась мысль: такой вот могла бы быть и моя свадьба. В голове завертелись мысли. В каком положении я здесь нахожусь? Зачем я живу у этих замечательных людей? Прошло уже около десяти дней, пора и честь знать. В один миг все переменялось, словно какой-то невидимый режиссер сменил световой рисунок на сцене. Все, закончилась роль гостя, пора уезжать.

Послышались шаги: кто-то поднимался по лестнице. Маниш вошел в холл и увидел меня, сидящую у окна. Почему я сижу тут одна? Почему не иду вместе со всеми смотреть свадьбу? Я ответила, что мне бы хотелось посмотреть и другую Индию, и я думаю поехать в Агру. Маниш сказал, что это мой дом, и что я могу жить здесь сколько, сколько мне хочется.

На следующий день я все-таки объявила всей семье, что уезжаю в Агру, и когда вернусь – не знаю. Было грустно. Вечером мама позвала меня в свою комнату и стала показывать свадебные фотографии. Я попросила одну из них на память. На черно-белом снимке была запечатлена очень красивая юная девушка. Потом она достала красную коробочку и протянула мне, сказав что это подарок. Я открыла. На темном бархате лежало ожерелье, сережки и мангалсутра – ожерелье для замужних. «Когда-нибудь и ты выйдешь замуж», – сказала она и прикоснулась к моему лицу.

Но прежде, чем я уехала, мне посчастливилось увидеть ещё кое-что необычное. Благословить новую невестку в дом приходят дервиши: на полу в передней комнате усаживаются музыканты, женщины поют весьма откровенные песни, их танцы непристойны, но даже старшие в доме смеются – непристойность в свадебных ритуалах освящена традицией.

Соседки, зашедшие в гости, и члены семьи благословляют рупиями молодую пару и жертвуют деньги танцорам. Это чаевые. После выступления на женской половине дома они получают еще несколько тысяч.

Дервишами в Индии называют хиджр. Танцующие женщины – вовсе не женщины. И не мужчины. Третий пол, хиджры, создатели своего собственного мира. Их презирают и боятся, их проклятий опасаются, их откровенности сторонятся, их благословений жаждут. Свободные от этических рамок и морали, готовые благословить или проклясть, наделенные молвой магическим даром. Они нравятся мне своей фатальностью. Они приходят на свадьбы и на рождение ребенка. Их незапланированный приход не любят, но у них такая функция: невесту благословляют на благоприятную жизнь и рождение детей, а потом заглядывают снова, чтобы проверить, нормальный ли ребенок или гермафродит. И если гермафродит, – ни полиция, ни родители не смогут помешать хиджрам забрать его в свой клан. Хиджры не просто трансвеститы – это биологические гермафродиты. Хотя их численность пополняется и за счет гомосексуалов тоже, у биологического хиджры статус всегда выше, так как это, можно сказать, редкость. Окружающие относятся к ним с терпением и опасением. Люди верят что хиджры имеют магическую силу: черным взглядом, словами и действиями могут лишить человека признаков пола, сделать бездетным или наслать на него беду. Встречаются, хотя и редко, хиджры высокого ранга: музыканты, чиновники, служащие – вплоть до министров.

Я заинтересовалась этими удивительными людьми и попыталась что-то узнать о них. Оказалось, что стать хиджрой вовсе не просто. Это сакральный статус, а значит и добиться его стоит больших трудов. Так я нашла информацию об одном секретном храме в Гуджарате, который посвящен богине Бахучара – покровительнице хиджр. Говорят, там проводят фестивали и обряды посвящения. Жаль, что мне так и не удалось туда попасть.

Я собралась ехать в Агру, но на следующее утро было решено, что раз молодые так и не съездили в медовый месяц, то почему бы им не поехать со мной? Мы погрузились в машину. С нами поехали Арун и Рани (я ее теперь тоже называла «бхабхи» – старшая невестка), и их маленькая дочка Таниш. Индийцы не любят путешествовать в одиночку. Вот так и медовый месяц получился, думала я, зажата между двух невесток на заднем сидении машины.

Впервые в этом путешествии я попробовала лепешки и чай в дахабе – придорожной забегаловке. Такие места в основном держат панджабцы – выходцы из северного индийского штата на границе с Пакистаном. Они пекут в тандуре ароматные лепешки с картофельной начинкой, и смазывают их свежим маслом гхи. Такие остановки – обязательная часть путешествия. Они особенно приятны зимой, когда на улице довольно прохладно, и горячий чай и лепешки обжигают пальцы и губы.

По пути мы заехали во Вриндаван и посетили один из самых завораживающих храмов, из тех, что мне доводилось видеть. Это был храм, посвященный Кришне – Банке Бихари. Чтобы добраться до него нужно пройти по узкой улочке, уставленной торговыми палатками со всевозможными фигурками бога Кришны. Я себе купила здесь маленького Гопала – фигурку Кришны в образе маленького ребенка.

Лавируя между паломниками, к нам подбегают дети, и предлагают за десять рупий поставить на лоб значок в форме английской буквы V – это тика, отметка говорящая о том, что ее носитель – поклонник бога Вишну. Гирлянды благоухающих цветов свешиваются с корзин, так и норовя попасть тебе в руки. Продавцы сладостей зазывают попробовать лакомства и купить коробочку для Бога.

С пустыми руками к Богу не ходят, поэтому мы выбрали гирлянду из красных роз и белых цветов: только бы удержаться и не понюхать, ведь первым насладиться цветами должно божество! Купили и коробочку особых вриндаванских ладду, а вот наконец подошли к храму. Еле протиснулись к окошку для сдачи обуви, омыли руки, и захваченные людским морем, в благоговении переступили порог.

На бело-черной плитке пола здесь и там почивают в последнем вздохе упавшие с гирлянд верующих цветы. В суе потоке какая-нибудь нога в звенящем браслете придавит цветок, и, не заметив, исчезнет в море людей, в море душ, приходящих сюда тысячами каждый день. В храме курятся благовония, и подсвеченные лучами солнца, проникающими сверху, создают совершенно киношную атмосферу. Чтобы попасть к алтарю нужно пройти широкий холл и подняться по ступенькам к металлической оgrade, за которой и располагается святая святых – божество.

Сам храм построен в середине 1800-х годов. Надо сказать, что он мне казался гораздо древнее. Рани настойчиво толкала меня в спину, и мы стали протискиваться к алтарю в женскую очередь. Женщины сильно не стеснялись: давили на спину, толкались локтями, карабкались как могли, чтобы ухватиться за алтарную ограду. Ухватился – держись как можешь, тебя стараются оттянуть назад чтобы взобраться на твое место и хоть на секунду увидеть божество.

Мне каким-то образом удалось зацепиться, но всего лишь на мгновение: боевые индийские женщины не собирались уступать свои позиции. Как вдруг – помощь самого бога – служитель в алтарной комнате протянул руку над головами верующих, ухватился за мое запястье и с силой вытащил меня в самый первый ряд. Передо мной во всей красоте предстал Кришна, в танцевальной позе, играющий на флейте. Пуджари взял у меня из рук уже помятую коробочку сладостей, приложил к алтарю и вернул обратно. Поднял с пола у ног Кришны одну из сотен гирлянд и, размахнувшись, мастерски накинул её мне на шею. Счастливая, я поблагодарила божество за такую милость, отпустила поручень и уступила свое место другим.

Когда мы вышли на улицу, уже стемнело, и мы отправились на ночной красочный индийский базар. Здесь я попробовала свои первые пани-пури: меня подвели к огромному пакету хрустящих шариков, за которым дядечка-торговец словно колдовал, подавая мне шарики, наполненные разными смесями и водой. Я засунула один шарик в рот – и тут мне показалось, что во рту взорвалась бомба! Сладко-острая начинка дополнялась странного вкуса водицей. Ощущения были очень необычными, но потом я попробовала еще один, и мне понравилось! Пани-пури или голгаппе – одно из любимейших уличных блюд индийцев, а теперь – и мое.

Прежде чем отправиться в Агру, я хотела увидеть еще одно заветное для меня место. Я знала что в этой местности в средние века жила удивительная женщина – поэтесса родом из Раджастхана и поклонница Кришны. Она прославилась на всю Индию своими стихами о возлюбленном боге, которые остаются популярными до сих пор.

Что же меня туда так тянуло? Мне хотелось прикоснуться к той внутренней тишине и бескомпромиссной уверенности, в которой прожила свою жизнь Мира. Мы долго искали тот самый дом, пока наконец-то, совсем неожиданно, в одной из узких улочек я не увидела вывеску, сообщающую нам, что цель близка. В арке на входе торчала корова – вернее ее задняя половинка. Мордой корова тыкалась во двор храма, выпрашивая лепешку или еще чего повкуснее. Прохожий парень постучал ее по крупу, прикрикивая: «Хат, хат!» – подвинься в смысле, и она нехотя оторвалась от дверей и уплыла вглубь узкой улочки.

Сквозь старинные ворота мы попали в миниатюрный голубой дворик, наполненный светом, благостью и тишиной. На алтаре в храмике курились только что зажженные кем-то благовония. Мы молча сели в прохладной тени колонн во дворе, и я тут же унеслась мыслями в далекое прошлое.

Мне казалось, что вот здесь, перед своим божеством сидела всего несколько столетий назад Мира. Наигрывая на струнном инструменте иктара, который и теперь, но все реже, можно встретить в руках странствующих отшельников, она пела стихи, льющие из самого сердца. Мое воображение унесло меня еще дальше, к началу её пути, и я увидела Миру совсем маленькой девочкой, играющей во дворце в Раджастхане. В нем частенько собирались преданные господа Кришны и воспевали молитвы и песни богу. В эти вечера Мира садилась на порог домашнего храма и любовалась божеством, прихлопывая своими крошечными ладошками. А однажды дедушка вздумал пошутить, и на вопрос маленькой Миры, кто же ее жених, возьми, да со смешком и скажи: «Как кто, Кришна!»

Так и повелось. Выросла Мира в красавицу на выданье, да все твердит: «Мой муж – Кришна». Замуж ее выдали в знатную влиятельную семью, мужу очень приглянулась скромная красавица. В первую же ночь Мира призналась, что любит другого. Когда выяснилось, что Мира имеет в виду божество, а не реального человека, муж ее расхохотался – делов то!

Но преданность Миры Кришне переходила все границы: свободно выходить из дома чтобы добраться до храма у реки, танцевать при всех и распевать свои стихи, – такое поведение считалось непристойным для знатной раджпутки. Родственники много раз пытались подсыпать яд или подкинуть ей змею, но Мира каким-то чудом всегда выживала. Когда она овдовела, то покинула дом и ушла странствовать как монахиня.

Говорят, никто не знает как точно Мира покинула тело. В конце своей жизни она пришла в один из храмов города Дварки, что на берегу Арабского моря, и осталась там ночевать, а на утро у ног Кришны нашли только ее одежду. По поверью, Мира слилась со статуей своего божественного мужа. Она стала символом или нарицательным именем для бескомпромиссной любви и совершенной преданности.

Во Вриндаване вообще все время казалось, что Кришна ходит где-то рядом. Средневековые развалины живописно перемешаны там с современными зданиями. Гуляя по городу, ты без конца погружаешься в калейдоскоп из прошлого. Вриндаван похож на цветастое лоскутное одеяло, где каждый кусочек хранит в себе целую историю. Вот река Ямуна: пожалуй, она была немного шире в те времена, и протекала среди зарослей буйного леса. А вот этот покосившийся храм – я так и вижу его в полном расцвете, наполненным музыкой и нарядными людьми, что принесли для своего божества сладости и цветочные гирлянды. Нет, это был не реальный город, а какое-то третье измерение, где все вокруг только кажется тебе настоящим.

Расставаться с Вриндаваном не хотелось, но нам все же предстояло двигаться дальше. Еще час в пути – и мы достигли Агры. Оказалось, что по пятницам Тадж Махал бывает закрыт

на молитву, которая проходит в мечети на его территории. Мы решили полюбоваться видом на Тадж со стороны реки, и обогнув монументальные красные стены направились к берегу.

Ярко-белый мраморный великан живописно контрастировал с зеленой травой и сочным голубым небом. Однако меня привлекло кое-что, поблескивающее в траве. Я поддалась настроению сыщика и подошла ближе, чтобы разглядеть находку. Как же я была удивлена, увидев что это – многочисленные статуи богов, их старые украшения и остатки одежды, надорванные картины. Просто кладбище богов какое-то! Арун, увидев меня рядом с находкой, кажется понял что я нуждаюсь в прояснении, и подошел ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.